

*"Ветер гонит листья.
Старых лампочек тусклый накал
в этих грустных краях,
чей эпиграф — победа зеркал,
при содействии луж
порождает эффект изобилья".
Иосиф БРОДСКИЙ.
"Конец прекрасной эпохи".*

СЕРО-КОРИЧНЕВЫЕ ТОНА. Слякоть. Наспех одетые, бледные дети пытаются играть во дворе. Их шарфы — криво повязаны, а шапки смотрятся по-нищенски. Точно с помойки. Снег-дождь (или дождь-снег?). Везут агитационные транспаранты — скоро праздник. Не надо быть прозорливцем, дабы понять — красный день календаря будет столь же унылым. Разве что бравурных звуков прибавится. И матросы будут печатать шаг — мимо сорбленных интеллигентов. "Эх, Киса, мы чужие на этом празднике жизни", — молвил Остап. Но перед нами — вовсе не жулики в поисках бриллиантов, но — два гения словесности. Бродский и Довлатов. Поэт и прозаик. Оба, как выясняется, не нужны.

Ленинград в кинокартине "Довлатов" Алексея Германа-младшего — это в круге первом. Несмотря на сырость, мучит жажда. Наверное, поэтому разнообразные персонажи — юные и пожилые, маститые и расхристаные — заливают себя спиртосодержащим пойлом. Бесконечно дымят. Беззвучно стенают. Кто-то непризнанный — порезал себе вены прямо в редакции журнала. Довлатов с Бродским — уехали. Первая мысль от просмотра — это не мой СССР, а какая-то инородная нежить. Более того, даже время в картине слабо ощущается, несмотря на точные атрибуты, вроде названий модных пластинок — их, разумеется, "толкает" фарцовщик Давид (в рассказах самого Довлатова фигурирует спекулянт по кличке Фред, однако, Давид Львович завсегда трагичнее — от Фреда тянет мятный баббл-гамом,

стипляжьей беспечностью да коктейлями пряными, тогда как Давид — это надрывно. Давид — давит. Вернее, это его — Давида — задавили). Книги Довлатова — ироническая усмешка при любых обстоятельствах. Это — умение лирического героя найти пассиво, выпивку и работёнку. Поговорить, податься, уйти в ночь, рвануть в Таллин. Умыкнуть ботинки у номенклатурного босса. Подвизаться экс-

НЕФОРМАТ

курсоводом, неся безграмотно-фантазийную ересь и не забывая пить всё, что горит и любить всё, что — женщина. В своей краткой автобиографии Сергей Донатович верен себе: "Я родился в не совсем дружной семье. Не очень хорошо учился в школе. Потом был отчислен из университета. Прослужил три года в лагерной охране. Часто писал рассказы, которые впоследствии не мог опубликовать. Но много из-за них был вынужден покинуть свою родину. В Америке я вовсе не стал богатым и преуспевающим человеком. К сожалению, мои дети неохотно разговаривают по-русски. Я напротив — неохотно говорю по-английски. В родном для меня Ленинграде построили дамбу. В столь любимом мной Таллине происходит непойми что". В упоминании о дамбе и "не пойми чём" заключается весь Довлатов.

Версия Германа — беспрощетная драма, хотя есть несколько забавных эпизодов — совершенно по-довлатовски. Например, эпопея со съёмками любительского кино, где работники заводской многотиражки посылно изображают Пушкина, Толстого и Достоевского, произнося пламенные речи о торжестве социализма. В первоисточнике зам

Довлатов изображал Петра Великого, который нечаянно попал в современный Питер. Всё действо тогда завершилось очередью за пивом и — очередной абсурдной ситуацией: "Кто-то начал роптать. Оборванец пояснил недовольным: — Царь стоял, я видел. А этот... с фонарём — его дружок. Так что, всё законно! Алкаши с минуту поворачали и затихли".

Киномиф о Довлатове

В фильме Германа ситуация доведена до идиотизма — работники многотиражки выглядят жалкими и глупыми. Трещат по бумажке. Несут всякую дурь, когда пытаются выразить личное мнение. Вместе с тем, никакой печальной хохмы, а ведь именно этот парадоксальный сплав и делает вещи Довлатова — гениальными. Публицист и общественный деятель Егор Холмогоров отмечает: "Довлатов" — совершенно неудовольский фильм, так как вся литературная автобиография Довлатова состоит из историй о маневрах, компромиссах, циничном солащательстве и выживании. Советский Союз Довлатова — временами жестокое, всегда абсурдное, но, в целом, довольно весёлое место".

О Ленинграде писатель отзывался не с тоской, а с барственным снисхождением: "Сочетание воды и камня порождает здесь особую, величественную атмосферу. В подобной обстановке трудно быть лентяем, но мне это удавалось". В картине же мы наблюдаем не весёлое лентяйство, но — изматывающий бег по кругу. Неистовое, сумасшедшее, почти звериное желание — быть напечатанным и — принятым. Актёр Милан Марич играет скорее трагедийного красавца, меланхолика на грани срыва, нежели развязного сангвиника-жуира, каковым выступает Сергей Донатович в своей великолепной прозе. "С тревожным чувством берусь я за перо. Кого интересуют признания литературного неудачника? Что поучительного в его исповеди? Да и жизнь моя лишена внешнего трагизма. Я абсолютно здоров. У меня есть любящая родня. Мне всегда готовы предоставить работу, которая обеспечит нормальное биологическое существование". Безусловно, Довлатов хотел увидеть своё имя в "толстом" журнале и на обложке фоллианта, но, если судить по текстам, сие вождление полностью отодвигалось на задний — почти невидимый — план. Главное — это жизнь с её разговорами о Стейнбеке и Кафке. В одной из сцен герой Милана Марича представляется Францем Кафкой — незамутнённая девушка верит на слово и лишь вопрошает: "Вы из Франции?" Подобная коллизия в рассказе выглядела бы комично, в кинокартине же — горько и пришибленно. Довлатов-книжный ёрничаёт, ибо такого его натура; в ленте Германа имеются шутки лишь потому, что юморок — последнее прибежище загнанного в угол человека. "И остался я без работы. Может, думаю, на портного выучиться? Я заметил — у портных всегда хорошее настроение...". — писал автор. Никакой слезы. Фильм — глубоко депрессивен.

Перед нами проходит целая череда лиц, отмеченных общей печатью — "неформат". Это история не Довлатова как такового и не Бродского, который здесь выступает вторым главным героем. Это — аллегория творческого и морального тулика, чудовищной "невписанности" в конкретную систему Довлатов-Бродский несут общий крест Неформата, как данности, а линия поэта-метростроителя Кузнецова (Антон Шагин) вызывает столько горечи, что её хватило бы на три подобных фильма. Довлатов ходит по туманному городу, ища пристанища и внимания. Снулая женщина-редактор хвалит слог, но даже не пытается что-то поощать: наша литература должна быть солнечной и зовущей. "Напишите что-нибудь светлое!" А у него никогда не полу-

чится! Ни в кино, ни по жизни. Довлатов несколько раз пытался — всё скатывалось на стёб, издёвку, подколку. Созидательный пафос не был ему дан, как другим не даётся чувство юмора. В эмиграции он опять не вписался! Там снова потребовалась горячая патетика — на сей раз антисоветская, что зачастую... суть одно и то же. По духу и наполнению. Кстати, и эту ситуацию Довлатов описывал со смешком — все эти творческо-деловые контакты с маразматиками "почвенно-лапотного" типа или же с яростными сионистами, чья речь оказывалась перенасыщена агитпроповскими штампами... От которых вроде как убежали, сверкая пятками. Довлатов — повсюду неформат. Неформал. Он этим даже бравировал: "Мы не были карьеристами, не покупали автомашин, не важничали". С каким-то упоением подчёркивал, что с детства его тянуло к отбросам общества. К шлане и рвани. Кажется, что подсознательно Довлатов... не желал быть напечатанным — иначе он перешёл бы в противную ему категорию гладких и, не дай Бог, обеспеченных людей. Его будто бы устраивало шляться по замусоренным квартирам, где есть кое-какая выпивка, гитара и стихи. Плюс — такие же вольные стрелки, как он сам. "А ведёшь ты образ жизни знаменитого литератора, не имея для этого самых минимальных предпосылок... С твоими пороками нужно быть как минимум Хемингуэем...". — говорила ему (точнее — его лирическому герою!) супруга.

А фильм Германа-младшего — об отчаянии. О талантивах, бездарных, среднихных и — ненужных. О тенетах. Советское житьё выглядит, как серое болото — из него нет выхода, а питерский морок только подчёркивает безнадёгу. Они собираются вместе и поют "Надежды маленький оркестрик...". Густо накурено. Женщины с распущенными волосами позволяют себя обнимать — без обязательств. Этот мир — непризнанных живописцев и "не членов" Союза писателей — процветал параллельной системе и отчисти — благодаря ей же. Потому что у этих людей всегда была возможность избежать: "Мои художества не понимают совковая цензура!" и — годами влечь... почётное существование изгой. Но в СССР никто не подыхал с голоду — ребята пристравливались оформителями, внештатными корреспондентами... кочегарами и дворниками. Их бытие наполнялось великим смыслом — противопоставляясь тупой и грубой Софье Власевне (как называли диссиденты Советскую Власть). Только в книгах Довлатова это подано через насмешку — пусть и сквозь проступающие слёзы, а в кинокартине Германа — totalmente через плач. Героев Довлатова — не жалко. Они — оптимисты, хотя часто пьяны, биты, изгнаны. Германовские персонажи — это спрессованная кручина. Более всего это ощущается даже не на прокурорных кухнях, а в тот момент, когда мимо Довлатова и Бродского маршируют красноплётцы. Бравые и сытые ребята из параллельной вселенной. Обласканные и любимые всеми. Парни из моего СССР.

Возникает закономерный вопрос? Хорош ли фильм Германа? Да! Как самостоятельное произведение искусства он — прекрасен. Актёрский состав играет слаженно и — чётко. Им сказали выдать многолетнюю усталость от "совка" — они и постарались. Милан Марич не просто шикарен своей фактурой — он грамотно страдает в кадре. Артур Бесчастный в роли Иосифа Бродского тонко уловил идею. Сразу веришь. Егор Бродский — непостижим, как это было и в реальности. Красавица Светлана Ходченкова достоверна в образе похужлой дивы, которая годами играет в эпизодах. Именно ей принадлежит фраза, которую можно считать слоганом кинокартины: "Сложно быть никем, при этом оставаясь собой". Эта реплика связывает Довлатова-киногероя и Довлатова-писателя. Жизнь очень коротка. Человек очень одинок. Я надеюсь, это всё достаточно грустно, дабы я мог продолжать просто заниматься литературой... Простое литературой. А кто неформат — оценят потомки.

Галина ИВАНКИНА

"ЗАВТРА". Сергей, перед началом нашей беседы, скажи — могу ли я с тобой говорить именно как с писателем? Потому что депутаты Государственной думы, политик — это, на мой взгляд, не совсем свободное сознание; сознание, принесённое в жертву политкорректности и другим условностям премиум-класса, а тема у нас серьёзная и условностей не терпящая, а именно — национальная идея... Итак?

Сергей ШАРГУНОВ. Дорогой Алексей, мы знаем друг друга уже почти двадцать лет. Тебя любят в моей семье, добрым словом поминает мой батюшка. Я всегда особенно ценил в тебе искрен-

туре, породивший великую государственность и историю? Откуда мы? В какой точке сейчас оказались и куда идём? Как ты думаешь?..

Сергей ШАРГУНОВ. Русский народ сумел построить самую большую страну в мире, собрать симфонию народов между трёх океанов. Русский человек всегда стремится к горячей честности, но и вынужден смирять себя, потому что держит, как Атлант своды неба, вес государственности. Россия — это предельная свобода, оковыванная порядком, иногда кольцо разрывается, и возникает драма 1917-го или 1991-го.

Русский народ несёт огромные тяги. И сейчас под мантры о повышении

и, фальшиво и трусовато. Моподжёж не воспринимает. Можно уже прямо говорить о поколенческой драме. В этом смысле рутинные отсылки к святоотеческому наследию и даже к философам-консерваторам могут напоминать цитаты из Брежнева на соответствующем съезде.

Любая попытка оживить официозно-охранительский дискурс вопросом о конкретных событиях и планах (та же судьба Донбасса, подвешенного на крюк) вызывает панику у фарисейской элиты, которая существует по принципу "как бы чего не вышло".

"ЗАВТРА". На твой взгляд "левая идея", идея социальной справедли-

ценой — санкции, хамон...), может лучше стать "большой Швейцарией" (как многим мечталось в 90-е)?

Сергей ШАРГУНОВ. Боязнь России и неприязнь к русским свойственны многим в мире, особенно в странах, которые видят в нас геополитических соперников. Слабость России будут приветствовать как прогресс, усиление — порицать как беспредел. Напомню просто, все мировые демократии из "целесообразности" одобряли поправку Конституции, разгон российской Парламента и стрельбу по нему из танков в 93-м году. Но не надо уходить с головой в параною, наш главный враг — внутри, это предательские и вороватые деятели.

вол рождения Новой (политически, социально, духовно новой) России — живёт для тебя? Или "по государственным соображениям" надо отложить "на неопределённое время"?

Сергей ШАРГУНОВ. Донбасс поверил в крымский сценарий. Донбасс шёл на свой референдум, как на праздник. Люди умирали с именем России на устах. Я потерял тех, кого хорошо знал. То, что сделали с Донбассом, подло. В нынешней ситуации надо признавать республику, и прекращать играть жизнью несчастных людей. И паспорта граждан РФ выдать там всем желающим.

"ЗАВТРА". Сергей, ответь, вообще сегодня возможен "русский разворот"? Могут ли властные элиты отказать от своего столетнего страха перед русским народом и призвать его к творческому делу, прорыву (о чём неумолчно говорит наш недавний юбиляр А.А. Проханов)? Или же, чтобы услышать долгожданное "бра-

РУССКИЙ ПРОРЫВ НАДО ГОТОВИТЬ

Беседа с сопредседателем Союза писателей России, депутатом Госдумы от фракции КПрФ Сергеем ШАРГУНОВЫМ

ность и прямоту. Можешь рассчитывать и на мою искренность. Давай говорить открыто.

"ЗАВТРА". Собственно, этот вопрос — недалеко от первого: как ты думаешь, почему так получилось, что Русская литература в XIX-XX веках стала своего рода "национальной идеей" России и Русского народа? Ведь даже профессиональные философы, чтобы быть услышанными либо "шли в писатели" (Владимир Соловьёв, Василий Розанов), либо отправной точкой своих размышлений брали творчество великих русских писателей (Лев Шестов, Михаил Бахтин)?

Сергей ШАРГУНОВ. Мне кажется, тут есть несколько причин. Книжные люди, изначально — люди Церкви, становились просветителями, нравственными наставниками, летописцами, сберегавшими сюжеты истории. Литература с её дискуссиями, сочувствием бедным людям, обдумыванием "последних вопросов" будничного и вселенского была отдушиной. В централизованном государстве, которое, в сущности, так и не позволило себе роскошь парламентских игр, пространством мысли, страсти, надежды, борьбы стала литература.

Но есть и другое. России близка евангельская тайна Слова. Слово имеет особый вес. Отсюда — наша детская доверчивость и подростковая крылённость.

Удивительно, но даже сейчас затюканные, дезориентированные люди всё равно с почтением относятся к тому, кто писатель, как бы ощущая в нем нечто пророческое и чудодейственное. Страна остаётся литературоцентричной, самой пишущей. Русская литература с её музыкой, с её светом, с её мук — пропитывает сознание народа. К ней тянутся самые тёмные, понимаем, что по-прежнему, кроме нефти и газа, у нас есть книги — наше богатство. Церковь, армия, природа — это Россия, но сюда же — добавим русскую литературу. Такое ощущение растворено у нас в крови и дыхании. Может быть, потому что нельзя без поиска правды и без полёта.

"ЗАВТРА". Следующий вопрос тоже вполне закономерен: что это за народ — породивший такое удивительное явление в мировой куль-

рождаемости страшно вымирают запovedные русские области. Тысячи людей погибли за "русский мир" на Донбассе, а над ними, по сути, издевается официоз.

Верхи пользуются тем, что наш народ доверчив и ответственный, боится падения государства, и поэтому держат его в чёрном теле. Патриотика должна становится современной, действенной, выходить из катакомб. Нужна русская правозащита, нужно отстаивать права соотечественников везде и всюду, нужно понимать ценность жизни и судьбы каждого нашего человека, сидящего по 282 статье за свои взгляды или погибшего под Дебальцево.

Главная угроза ближайшего будущего — распад страны. Верхи пока ещё отрабатывают позднесоветскую риторику и стилистику, но общество неизбежно меняется. Что будет завтра с национальными окраинами? Куда ползут дальние куски постсоветского пространства (Беларусь, Казахстан)? Что за люди придут на смену нынешней номенклатуре? С одной стороны, массы стали патриотичнее, появляются фильмы типа "Движения вверх", с другой — всё предельно манипулятивно, степень лицемерия и неискренности среди чиновников и депутатов, у которых деньги и детки за бугром, зашкаливает... Тревожно.

"ЗАВТРА". Считаешь ли ты актуальной знаменитую уваровскую триаду в качестве определения существования России и Русского народа: Православие, Самодержавие, Народность? Не кажется ли тебе, что сегодня происходит робкие попытки её "осовременить" словами: Традиционные ценности ("духовные скрепы"), Суверенитет, Аутентичность?

Сергей ШАРГУНОВ. Идея опоры на традиции — это не просто идея. Есть основы выживания народа — физического и психического. Семья. Доброта, стойкость, праведность. Церковь как место святое почти для каждого хотя бы потому, что здесь крестят и отпевают.

Но важно не превратиться в проигравших, в своего рода старцев с пресс-конференции ГКЧП, которые произносят верные слова о катастрофе, но в пустоту.

Как правило, увы, разговоры о "традициях" с высокими трибуна звучат арха-

вости, сегодня насколько актуальна в России? Именно как мировоззрение, а не как предвыборная кричалка? Вообще — что из советского прошлого нам необходимо взять в будущее? Только не на уровне болтовни (когда едешь на "Гелендвагене", смотришь цены на Лондонской бирже и слушаешь "Боль моя, ты оставь меня..." из "Семнадцати мгновений весны"), а по-настоящему, на уровне души народной и её надежд?

Сергей ШАРГУНОВ. Абсолютное большинство людей оскорбляет не просто нищета, а вызывающий и нарастающий разрыв в доходах всей страны и кучки сверхбогатых, двухсот семей. Тема социальной справедливости это не абстракция, а насущная задача выправления очевидных уродств и возможности развития — в частности, через переход к прогрессивному налогообложению. Нужны "пятилетки", да, да, необходимо стратегическое планирование и чёткие отчёты о том, что удалось построить, какие предприятия, дороги, мосты.

Мировоззренчески справедливость означает то, что мы одно тело, единый народ. Отчуждение чиновников и связанных с ними олигархов от всех остальных — делает нас слабыми и непрерывно подталкивает страну. Как депутат (позволю уж и как депутат) от четырёх сибирских регионов вижу повальное уничтожение школ, библиотек, фельдшерско-акушерских пунктов. Напоминает политику геноцида. При этом по данным Центрального Банка, за последние 17 лет из России вывезено 750 млрд. долларов. Согласно данным журнала Forbes, совокупное состояние 200 крупнейших бизнесменов России выросло за год на 28% — с 360 до 460 миллиардов долларов.

"ЗАВТРА". Считаешь ли ты нынешний всплеск русофобии на Западе чем-то экстраординарным, вызванным "случайностью", "неуклюжим манёвром" в политике (возвращение Крыма, поддержка Донбасса)? Или это закономерная и многовековая реакция на формулу старца Филофея: "Два Рима убо падоша, Москва — Третий Рим — стоит, а Четвёртому не бывать..."? Вообще — нужно ли нам быть "Третьим Римом" (да ещё такой

Мы должны быть сильными, но и честными, тогда зауважают. У меня нет уверенности в том, что в отношениях с внешним миром мы полностью честны и последовательны, слишком много муты. Держим деньги в США, туда выводим целые состояния. Некоторые грозные заявления явно рассчитаны на внутреннюю аудиторию, на наших простосердечных людей.

Нам нужно быть могучей Державой и социальным государством, где граждане не мучают, где созданы человеческие условия для жизни, работы, творчества и так далее. Часто у нас возникает перекося: если ты за демократические права и свободы — значит, надо разоружиться и капитулировать, если ты за державность — значит, надо зашамарить "подданных" и выдать индულгенцию знати и "золотым деткам" с мигалками. Это, перифразирова Шаваревича, две дороги к одному обрыву.

"ЗАВТРА". Я знаю, что ты с Донбассом, с народом Донбасса — с самых первых дней открытого сопротивления. Нет ли чувств разочарования? Нет ли ощущения, что Русскую весну "подморозили" (да ещё и переименовали — в "Крымскую весну", мол, Крым вернули и ладно, а дальше — ни-ни!)? Вообще, Новороссия как сим-

тья и сёстры" опять нужно, чтобы "Абрамсы" и "Леопарды" появились в полях под Москвой?

Сергей ШАРГУНОВ. Русский прорыв надо готовить. Нужно кропотливо и неуклонно соединять всех национально мыслящих. Идя на вынужденные компромиссы, не позволяя загнать себя в резервацию, не понимая, что те, для кого возрождение Отечества важно, могут быть разрознены, находиться и в подполье, и в кабинетах власти. Нужно собирать консерваторов и модернистов, людей разных стилистик, поколений, мировоззренческих оттенков и житейских обстоятельств. Крайне важная задача — соединить энергию и талант русских художников, мыслителей, интеллектуалов. Нам всегда губит феодальная раздробленность, мелочность, взаимные подозрения и придиризм, но я помню, как в Москве в 1993-м или в Севастополе в 2014-м в нужный час свои узнавали своих, важнее цвета флагов оказывалась судьба России. Верю, такой час узнавания и большой солидарности ещё придёт. А пока надо делать, что возможно. Я пишу книги, выступаю, езжу, и стараюсь всем, чем могу, помогать нашим многострадальным людям.

Беседовал Алексей ШОРОХОВ

«Смертельно раненный» (1873). Картина кисти Василия ВЕРЕЩАГИНА.

ВДОХНОВЕНИЕ ВЕРЕЩАГИНА

«Тотально русский» художник

С 7 марта по 15 июля в Третьяковской галерее (Новая Третьяковская, Крымский Вал, 10, залы 60-62, проезд ст. м. "Парк Культуры", "Октябрьская"), проходит выставка картин Василия Васильевича Верещагина (1842-1904). В экспозиции выставки — около 500 экспонатов: 180 живописных, 120 графических работ, 97 произведений декоративно-прикладного искусства, а также различные архивные документы и фотографии.

ОФЕНОМЕНЕ ВЕРЕЩАГИНА рассказывает Заслуженный художник России Геннадий Животов: "Масштабность, яркость, выразительность, глубочайшая детализация, экспрессия! Вам что-нибудь говорят эти громкие определения? Точнее, напоминают ли они вам о работах такого великого и totally русского художника, как Верещагин? Он учился мастерству живописи в Европе, а точнее — закончил Академию художеств во Франции, однако не это само по себе делает даже высокопрофессионального художника великим. "Но что же тогда делает?" — спросите вы. И я вам отвечу: только стремление к правдивости и конкретное проецирование реальности на холст, которое так любил Василий Васильевич. Ну, не мог этот человек нарисовать то, чего не видел "живую", чего не ощущал и не пропустил через своё "чувствительное" художника! Можно ли было так изобразить овеянную страхом землю во время войны, не побывав на ней именно в то время, когда вокруг свистели пули и лилась кровь? Или так нарисовать богатого киргизского охотника с соколом, что просматривается любая деталь его костюма, вплоть до заправленного в широкие шаровары нарядного халата с традиционным узором? Думаете, Верещагин придумывал свои картины? Конечно же, нет! Только вплотную пообщавшись, только потрогав или попробовав на вкус деталь своего будущего шедевра, он мог приступить к работе, в которой ценители прекрасного могут сразу же заметить чёткую и жёсткую форму его стиля и манеры письма.

Уже одно то, что Верещагин обездрил все "горячие точки" своего времени, участвовал во всевозможных сражениях, держал оружие на поле боя, как профессиональный воин, — говорит о том, что им владело не просто желание донести до современников всю правду и масштабность происходящего, а нужда во вдохновении, необходимость в обретении стремления показывать жизни и смерти людей, города и пейзажи. Да, именно оно, одинадцатibuквенное слово с таким глубоким заложенным в нём смыслом: ВДОХНОВЕНИЕ. Война вдохновляла Верещагина, словно муза; словно прекрасная, но злая ведьма, она манила его своими чарами, чарами разрушений и алой крови, жертвами и слезами туманов, оставленных выстрелами пушек. Ради этого художник бесконечное количество раз срывался с места, кидался, словно в омут головой, в эти ужасные сражения, держа оружие в одной руке, а кисточку с мольбертом — в другой. Да, возможно, сейчас звучит это с ноткой романтики, но представьте, какое это: побывать на войне, увидеть, как убивают твоего товарища, с которым ты ещё утром спорил о том, кто первый достанет свою тарелку пшённой каши, а через час — ташить его бездыханное окровавленное тело на себе и корчиться от потопляющих тебя слёз и тошноты. Даже звучит не очень, не правда ли? Он и погиб на войне, на Русско-японской войне, в возрасте 62 лет, вместе с адмиралом Макаровым, когда броненосец "Петропавловск" подорвался на японской мине на внешнем рейде Порт-Артура.

Делая свои выставки подобием современных шоу, Верещагин достиг известности по всей Европе, им восхищались не просто как талантливым художником, но и как самым настоящим новатором в мире искусства! Совершенно новая техника письма, брутальность красок и смелость изображения — всё это было так похоже на стиль его современников-соотечественников, что люди сразу выделили молодого художника-любителя из толпы мастеров-профессионалов. И знает, не зря выделили — ведь природные алмазы тоже даются нам без феешенбельности и прекрасного блеска. Только со временем и при помощи огранки они начинают сиять и переливаться бриллиантовыми огнями!

Очень многое можно ещё сказать про этого необычного человека — и не просто многое, а целую уйму слов и предложений, которые всё равно не смогут в полной мере описать все таланты Верещагина! Именно поэтому лучше всего увидеть и насладиться броскостью, яркостью и буйством красок на картинах, написанных маслом, в Третьяковской галерее, зайти туда и понять "да, этот человек был действительно великим, и это не какие-то слова, а самая настоящая правда". Мы видим войны того времени глазами Верещагина, и это навсегда будет так. Великим "запросто", "вплёку" не становятся, про обычных художников не пишут книги, не устраивают выставки их работ в самых авторитетных и престижных галереях мира! Только по этой причине следует войти в прекрасный мир незабываемого художника по имени Василий Васильевич Верещагин".

Материал подготовила Мартина ЧЕРКОВСКАЯ